

Звездная гостиная

Александр Ширвиндт, народный артист России, назвал как-то в одном из своих интервью Бенцианова «мэтр» нашего несчастного жанра», имея в виду жанр сатиры. Можно добавить: Бенцианов - последний из могикан умирающего жанра конференса. Почти 60 лет Бен Николаевич выступает на эстраде с музыкальными фельетонами, миниатюрой, работает в жанре, который он сам называет публицистической.

А накануне 60-летия Великой Победы в серии «Библиотека Всемирного клуба петербуржцев» вышла в свет книга Бена Николаевича Бенцианова - «И все это вместе называется - жизнь». Автор сам определил ее жанр как роман-быль. Бен Николаевич признался, что написал эту книгу по настоянию сыновей: «Ты должен рассказать о своей жизни, о тех, с кем встречался, работал, ведь ты сам - целая эпоха!»

В этой книге действительно присутствует дыхание эпохи. Эпохи, в которую вошло все: радости и печали, горе и торжество народа, социальные потрясения, люди довоенной, военной и послевоенной поры - артисты, музыканты, вожди. Эта книга - развешанные мифы прошлого, утраченные иллюзии и нерастраченная душа народа. «А что я? - говорит Бенцианов. - Я лишь часть этого народа, я просто жил в это время».

Рассказчик он необыкновенный; легкий, я бы даже сказала - изящный, сохранивший отменную память, несмотря на годы, две войны и многочисленные ранения...

- Бен Николаевич, я где-то прочитала, что настоящее Ваше имя - несколько длиннее, такое непривычное и экзотическое для наших широт - Бенджамин. Это правда?

- История такова: мой отец был специалистом по горнопроходческим работам, проще говоря, маркшейдером, преподавал в Горном институте. В годы Первой империалистической войны попал к немцам в плен. В одном лагере с русскими сидели англичане. Мой отец очень подружился с английским фельдшером, - ну, насколько можно было дружить в тех условиях. Во всяком случае, они общались, поскольку отец владел английским языком.

Итак случилось, что этот самый фельдшер его спас, - чтобы сохранить отцу жизнь, он поставил ему страшный диагноз - туберкулез в открытой форме, поместил в более или менее приличную палату, и мой отец благополучно дожил до 1917 года, когда случилась вся эта заваруха, которую мы до сих пор расхлебываем... Вот в честь этого англичанина отец и назвал меня этим экзотическим именем - Бенджамин. Мой правнук, кстати, тоже - Бен.

- Сейчас сценическое имя - Бен Бенцианов - хорошо известно, но оно появилось не сразу. Было начало. Где, когда, как?

- В очень далеких, в 1932-1934 годах двенадцатилетним мальчиком я подряд два сезона играл в Александринском театре, в «Дон Жуане» Мольера. Ставил спектакль Всеволод Эми-

льевич Мейерхольд. А руководитель нашего школьного драмкружка еще в империалистическую потерял ногу, ходил на протезе, но с театром совсем расстаться не мог, и работал в Александринском театре суфлером. Однажды он сказал, что Всеволод Эмильевич ставит «Дон Жуана» и ищет мальчика на роль арапчонка. Дон Жуана играл замечательный народный артист Юрий Михайлович Юрьев, а у Дон Жуана было два слуги. Один - Сгонорель, его играл Борис Анатольевич Горенин-Горяинов. А другой слуга - очень колоритный арапчонек, в роскошном, шитом золотом мундире, и представьте - с серебряным колокольчиком!..

- Такой мальчик-колокольчик!..

- Да, и вот все пять актов я выбегал на сцену, звонил в этот серебряный колокольчик, объявлял, что акт окончен, подставлял кресло для донны Анны, приносил дуэльные пистолеты... И вот тогда я понял, что у меня нет другой жизни, другого пути, кроме театра, и была одна цель - получить школьный диплом и пойти в театральный... Эта цель горела передо мной днем и ночью как путеводная звезда, выражаясь высоким штилем. У меня далее мысли не было, что моя судьба может сложиться как-то иначе.

Я и в армии когда служил, руководил полковой художественной самодеятельностью, и большей частью, как теперь говорят, «сачковал», потому что днем и ночью проводил время в клубе. Мы что-то такое ставили, что-то играли, я руководил джаз-оркестром и драмкружком.

И вот 22 июня 41-го года у нас должен был состояться окружной смотр художественной самодеятельности. Все участники были освобождены от летних лагерей, мы репетировали, и 22 июня, часов в шесть утра, уже все были на ногах. Начицали сапоги, снимали пылинки с мундиров и с гимнастерок. И вот, наконец, прозвучало заветное: «Выходи строиться!», и мы пошли в Дом офицеров. И в это время раздался какой-то непонятный гул... Вы представляете - чудесное синее небо, яркое солнце... Откуда гроза, где облака? И тут раздалось чудовищные разрывы бомб, это немцы бомбили вокзал в Витебске.

Конечно, никакой смотра не было, никакой Дом офицеров уже не ждал нашего выступления, и в ночь на 26 июня мы уже были в вагонах и отправились на фронт. А дальше - ранение, тяжелая контузия, опять фронт...

- Война так изменила Ваши творческие планы? Ведь уже в 1937 году вы учились в студии Большого драматического театра, вместе с молодым Стрельником, Макаровым, готовились стать драматическим актером...

- Курсом руководил Борис Андреевич Бабочкин, наш замечательный Чапаев и не менее изумительный режиссер, артист. Да, это грандиозный человек, которого я обожаю до сих пор. А учебу мою прервала сначала финская война - меня взяли в легендарный батальон Ленинградского комсомола. Может, оттого и легендарный, что осталось от него человек 12 или 15, уж точно не помню... Потому что мы - ну, ничеготеньки не умели! Не умели воевать, умели только кричать: «За Родину! За Сталина!» Вот и все наши военные познания на то время...

- Бен Николаевич, скажите, а вот сценический опыт, опыт «лицедейства», как Вы говорите, помогал на войне выжить? И воевать - помогал ли?

- Нет, нет! Вот только когда приезжали артисты... В конце войны я и сам приезжал, - после семи госпиталей, после контузии, когда я был и слепой, и глухой, я приезжал с фронтовой бригадой. Мы развлекали, радовали, мы

давали счастье. В той суровой действительности появление артистов было великим счастьем и отдыхом. Но что касается солдатской службы... - мы занимались всем, кроме того, что называется «актерское мастерство». Тут не до лицедейства, тут уж знаете, - «или грудь в крестах, или голова в кустах».

- Бен Николаевич, Вы лауреат многих премий - Государственной, Сталинской, и прочих... Вас «жаловали» практически все наши вожди и руководители, начиная от Хрущева и Брежнева. Последнюю награду Вы получили из рук президента Владимира Путина - орден, сейчас Вас поздравил президент Дмитрий Медведев с замечательным юбилеем...

- Извините, что перебиваю, но я лишь себя надеждой, что был мил не только правителям, но и многим простым людям.

- Так вот я и хочу уточнить, в чем оно, актерское счастье? Востребованность, слава, любовь публики, самореализация... А ведь драматическим актером Вы не стали, как мечтали...

- Но актерское счастье меня ждало на другом поприще. Жанр словесный - на эстраде самый плохой жанр, если он плохо исполняется. И это самый восхитительный жанр, если он исполняется хорошо. Слово на эстраде - это корона. Там есть все: балет, вокал, оригинальные номера, драматическое искусство.

Но, к сожалению, живое, остроумное, изящное, меткое, разящее слово - оно совершенно ушло из эстрады. Сейчас же нет конференсы... Такой профессии вообще нет! Что такое конференс, молодые люди в нашей стране просто не знают. Знают, что есть ведущий, или диктор, который выходит и четко, хорошо поставленным голосом, объявляет: «Следующий номер - па-де-де из балета Чайковского «Лебединое озеро». А когда это делает конференс, он найдет такие слова и представит эту балетную пару так, что публика их уже заранее ждет и заранее влюблены в них.

Конференс - это тот шампур, на который нанизывается весь концерт, все номера. А концерт - это шашлык, одобренный тем, что делает конференс. Вот тогда это получается необыкновенно привлекательным блюдом. Ну, а сейчас нет ни конференса, ни куплетов. Если что-то и появляется, это, будем так говорить, «осетрина второй свежести». А что касается скетчей, монологов, публицистики - их вообще нет. Их уничтожили.

- Но у нас же есть «Аншлаг», есть «Смехопанорама», масса развлекательных передач. Есть молодой и остроумный Иван Ургант...

- Это вы точно заметили. У нас есть масса передач, которые соревнуются друг с другом в глупости, пошлости, в том, чтобы вырастить из сегодняшних ребят и девочек манкуртов, полуидиотов. Потому что люди, которые живут в Амурской области или в Заполярье, сидят, смотря на этих исполнителей, и думают: «Если это показывает Москва, это и есть генеральная линия российской эстрады».

А ведь там же чем глупее говорят, тем громче ржание восторженное, ибо на эти глупости реагируют люди столь

низкой духовной культуры, носителями которой нынче, к сожалению, являются некоторые мои коллеги по цеху. Нет того слова, которое заставляет волноваться, удивляться, сопоставлять и делать выводы. Если бы люди моего жанра занимались этим, к эстраде было бы сегодня значительно больше уважения. Того уважения, которое было к Райкину, Утесову, Шульженко, Джапаридзе, к Тарاپуньке и к Штепселю, к Милову и Новицкому... Вот это артисты! У нас в Ленинграде был дивный Петр Ильич Муравский, были Рудаков и Нечаев, Леонид Кострица. У нас, слава Богу, еще жив и даже выступает превосходный Герман Орлов. К этой эстраде у людей нашего возраста отношение нежное.

- У меня, поверьте, тоже трепетное отношение к этой эстраде. Но ...постарайтесь понять... Я очень хорошо помню и Тарাপуньку, и Штепселя, маленькая была, но помню. Тем более - Райкина. И вот я думаю: А что бы они делали на современной эстраде? Ведь они работали в то время, когда одно смелое слово воспринималось как революция. И эта сатира была, в основном, по мелочам, по нашим бытовым порокам. Вы помните знаменитую репризу Смирнова-Сокольского? Помните! «Меня спрашивают, как я живу. Как все, как в трамвае. Одна половина сидит, другая половина трясется». Это небывалая смелость!

- Вот ему разрешали! Когда так называемые злые языки, а на самом деле языки абсолютно объективные и справедливые, говорили, что в СССР нет открытой критики, нет свободы слова, им отвечали: «Как, идите в Колонный зал, там выступает сейчас Николай Павлович Смирнов-Сокольский, и говорит черт-те что про советскую власть, и мы ему не мешаем!»

Нужно было открыть форточку хотя бы для одного человека. Но он и сам прекрасно понимал, почему ему разрешали выступать, и делал вид человека абсолютной смелости.

Вообще считалось, что у деятелей эстрады, как, впрочем, и у интеллигенции, есть основная задача - быть в конфронтации с властью. Сегодня же к нам пришло то необычное, трудное, горькое и счастливое время, которого мы так долго ждали. То время, когда нужно думать скорее не о конфронтации и оппозиции, но и о прямой помощи со стороны интеллигенции, со стороны артистов тем, кто руководит страной, кто пытается за короткое время сделать так, чтобы страна стала в ряд современных, цивилизованных государств.

Поэтому сейчас самое главное, мне кажется, именно помогать. Публицистика должна сегодня в какой-то степени, конечно, быть негативной - как без этого! Но процентов на 70-80 - позитивной, жизнеутверждающей.

- Бен Николаевич, жанр, в котором Вы работаете, Вы сами называете публицистикой, как я понимаю... Журналистский такой термин, точнее - жанр.

- Да, монолог, публицистика - если хотите.

- А Жванецкий - это публицистика? Или Задорнов?

- Задорнов - очаровательный писатель. Но, к сожалению, в последнее время он значительно снизил планку требовательности к себе, пошел на поводу у ржущей публики, и даже иногда обижается на публику, что она не ржет. Делает паузу, смотрит и ждет: ну что вы, что не смеетесь, я же вам смешное сказал! Жаль, что Задорнов этого не замечает, или не хочет замечать, потому что человек он необычайно интересный, умный и острый. Однако, это не публицистика, нет, это юмористический фельетон.

А вот Жванецкий - это, безусловно, публицистический фельетон. И разница, знаете, в чем? Вот, скажем, юморист видит что-то такое, что требует улучшить, поправить, и он делает это с улыбкой, со смехом. Но если юмор превращается в более жесткий, я бы сказал, откровенный разговор, он становится сатирой. Вот эти грани рождаются одна от другой: юмор, сатира-публицистика.

- Ну, в жанрах эстрадных разобрались. В конце-концов, как и нас учили на факультете журналистики, все жанры — вещь достаточно условная, и любой жанр делает Личность, человек, который либо сумеет донести свои сокровенные и даже тайные мысли до зрителя, слушателя, либо - не сумеет. Это уж от масштаба личности зависит, и, конечно, от степени таланта.

- Я думаю, главное для артиста - это быть требовательным к себе и чутким к публике. Ведь у артиста эстрады очень своеобразные зрители. Сегодня вечером - абитуриенты, вечером - труженики села, как говорили раньше, а теперь как? Аграрии, да? Завтра я выступаю перед новобранцами и генералами, и для каждого зала, для каждой аудитории у артиста нет и не может быть эдакого «универсального» репертуара. Но артист должен выступать так, чтобы студенты думали, что Бенцианов выступает только для них, а симпозиум хирургов был уверен, что Бенцианов придумал все специально для этого вечера. В их честь... Вот так я живу и работаю до сих пор - как в первый раз...

- Бен Николаевич, примите горячие поздравления от жителей замечательного города Всеволожска и нашего района Всеволожского — с юбилеем Вашим славным! Бог не обделил Вас ни творческим долголетием, ни благодарным зрителем.

- Вот это самое главное, да... И вам всем процветания - вашим читателям, моим зрителям. Должен сказать, что сельский зритель - самый благодарный, самый теплый, самый искренний, и мне приходилось много выступать и маленьком сельском клубе, и БКЗ «Октябрьский» на каких-нибудь слетах передовиков сельского хозяйства, по случаю Дня урожая - и всегда это была для меня радость, потому что нет труда важнее, главнее, я так считаю, чем труд на земле. Поклон вам, низкий поклон от скромного артиста Бена Бенцианова.

Беседовала
Татьяна ТРУБАЧЕВА